

Глава 1

Мегрэ играл в лучах еще не слишком жаркого мартовского солнца. Правда, он играл не с кубиками, как в детстве, а с трубками.

На его письменном столе всегда валялось пять или шесть трубок, и каждый раз, собираясь закурить, он выбирал одну из них в соответствии со своим настроением.

Мегрэ сидел с затуманившимся взглядом, опустив плечи. Он только что принял решение завершить свою карьеру. Он ни о чем не жалел, но не мог избавиться от неясной меланхолии.

С очень серьезным видом он машинально раскладывал трубки, составляя из них то геометрическую фигуру, то какое-нибудь животное.

Справа от него на столе возвышалась стопка сегодняшней почты, но у него не было ни малейшего желания ознакомиться с ней.

Появившись в здании криминальной полиции незадолго до девяти, он сразу увидел на столе сообщение о том, что его вызывает префект полиции; это случалось крайне редко, и Мегрэ тут же отправился на бульвар дю Пале, пытаясь угадать, что мог означать этот вызов.

Префект немедленно принял его с сердечной улыбкой.

— Догадываетесь, почему я хотел вас видеть?

— Признаюсь, нет.

— Садитесь. Можете закурить свою трубку.

Префект был молодым, лет сорока с небольшим, выпускником престижного заведения и выглядел очень элегантно, пожалуй, даже чересчур.

— Вы, конечно, знаете, что в следующем месяце директор криминальной полиции после двенадцати лет службы в этой должности уходит в отставку... Вчера я обсуждал с министром внутренних дел кандидатуру его преемника, и мы пришли к решению предложить этот пост вам...

Разумеется, префект ожидал увидеть выражение радости на лице собеседника.

Однако Мегрэ продолжал сидеть с мрачным видом.

— Это приказ? — поинтересовался он едва ли не ворчливо.

— Нет, конечно. Но вы должны отдавать себе отчет, насколько важным является это назначение. Это самый высокий пост, на который может рассчитывать сотрудник криминальной полиции...

— Я знаю. Тем не менее я предпочел бы остаться в должности начальника уголовного розыска. Я прошу вас не принимать мое решение в штыки. Сорок лет я занимался оперативной работой, и мне было бы трудно целыми днями сидеть в кабинете, изучая досье и занимаясь исключительно административными вопросами.

Префект не мог скрыть удивления.

— Вам не кажется, что над предложением такого рода необходимо поразмыслить хотя бы несколько дней и только потом принимать окончательное решение? Может быть, вам стоит посоветоваться с мадам Мегрэ?

— Она поймет меня.

— Я тоже понимаю вас и не буду настаивать...

Однако вопреки этим словам, на лице префекта явно читалось разочарование. Он действительно понимал Мегрэ, хотя и не мог знать истинной сути такого решения. Комиссар нуждался в постоянных контактах с людьми, которые были возможны только при личном ведении расследований. Его частенько упрекали в том, что он не руководит следствием из своего кабинета, а принимает в нем активное участие, зачастую выполняя работу, относящуюся к компетенции простых инспекторов.

Ни о чем не думая, он продолжал играть трубками, раскладывая их на столе, пока они не сложились в фигуру, напоминавшую аиста.

Оконное стекло искрилось в лучах солнца. Префект проводил комиссара до дверей кабинета и на прощание дружески пожал ему руку. Тем не менее Мегрэ не был уверен, что его поведение не вызовет недовольства в высших эшелонах.

Он медленно раскурил трубку, выпуская дым короткими выдохами.

За несколько минут он преопределил свое будущее в криминальной полиции, явно не слишком продолжительное, поскольку через три года его обязательно отправят в отставку. Но он, черт возьми, по крайней мере проведет эти оставшиеся три года так, как ему хочется! Он испытывал потребность выходить из кабинета, шагать в ногу со временем, с каждым очередным расследованием открывая для себя новые миры. Посещать бистро, где ему так часто доводилось томить-

ся в ожидании, сидя у стойки и выпивая то кружку пива, то рюмку кальвадоса, в зависимости от обстоятельств.

В кабинете ему приходилось терпеливо преодолевать сопротивление подозреваемого, не желавшего ни в чем признаваться, и после допроса, порой длившегося много часов, добиваться от него драматических признаний.

Комиссар чувствовал себя отвратительно. Он опасался, что начальство, хорошенько обдумав ситуацию, так или иначе заставит его принять новое назначение. А он, в свою очередь, твердо решил не соглашаться ни при каких условиях, хотя, по сути, ему предлагали своего рода маршальский жезл.

Он задумчиво смотрел на трубки, время от времени перемещая их, словно шахматные фигуры, и вздрогнул от неожиданности, услышав робкий стук в дверь, за которой находился кабинет инспекторов.

Так и не дождавшись ответа, вошел Лапуэнт.

— Простите, что отвлекаю вас, патрон...

— Ты меня совсем не отвлекаешь...

Прошло уже десять лет с тех пор, как Лапуэнт поступил на службу в криминальную полицию. Тощий и высокий, он сразу получил прозвище «малыш Лапуэнт». С тех пор он порядком раздался. Женился, у него появилось двое детей. Тем не менее все по-прежнему называли его «малышом», а кое-кто добавлял: «любимчик Мегрэ».

— У меня в кабинете сидит дама. Она настаивает, чтобы ее приняли лично вы. Мне она не стала ничего говорить и продолжает упрямо сидеть на стуле, полная решимости добиться своего.

Так происходило довольно часто. Начитавшись газетных статей, посетители требовали, чтобы их принял только комиссар, и порой стоило немалых трудов заставить их изменить решение. Некоторые, бог знает как раздобыв его домашний адрес, появлялись даже на бульваре Ришар-Ленуар.

— Она назвала себя?

— Вот ее визитка.

*Мадам Сабен-Левек
207-бис, бульвар Сен-Жермен*

— Она показалась мне странной, — добавил Лапуэнт. — Сидит, уставившись в одну точку, и у нее то и дело нервно дергается правый уголок рта. Она не сняла перчатки, но все равно видно, как она судорожно стискивает пальцы.

— Пригласи ее и сам тоже останься здесь. Захвати на всякий случай блокнот для стенографирования.

Посмотрев на трубки, Мегрэ с сожалением вздохнул. Передышка закончилась.

Когда женщина вошла, он поднялся.

— Пожалуйста, садитесь, мадам.

Она пристально посмотрела на него.

— Вы действительно комиссар Мегрэ?

— Да.

— Я представляла вас более солидным.

На ней было манто и подобранная к нему шляпка. Может быть, из норки? Мегрэ ничего не понимал в мехах, потому что жена дивизионного комиссара обычно довольствовалась кроликом, в лучшем случае ондатрой или нутрией.

Мадам Сабен-Левек медленно, словно проводя инвентаризацию, обвела взглядом кабинет. Когда Лапуэнт устроился у края письменного стола с блокнотом и карандашом, она поинтересовалась:

— Этот молодой человек будет присутствовать при разговоре?

— Да, конечно.

— Он будет записывать мои слова?

— Таковы правила.

Она помрачнела, и ее пальцы судорожно стиснули сумочку из крокодиловой кожи.

— Я полагала, что у нас состоится конфиденциальный разговор.

Мегрэ не ответил. Присмотревшись к посетительнице, он, как и Лапуэнт, нашел ее по меньшей мере странной. Ее взгляд то поражал неприятной пристальностью, то становился совершенно отсутствующим.

— Полагаю, вы знаете, с кем имеете дело.

— Я прочел ваше имя на визитной карточке.

— Вам известно, кто мой муж?

— Не сомневаюсь, у него та же фамилия, что и у вас.

— Он самый знаменитый нотариус в Париже.

Снова этот тик в уголке рта: губы с правой стороны подрагивали и опускались. Похоже, она с трудом сохраняла самообладание.

— Продолжайте, прошу вас.

— Он исчез.

— В таком случае вам нужно обратиться не ко мне. Есть специальная служба, занимающаяся исчезновениями.

Дама улыбнулась иронично и печально, но ничего не ответила.

Определить ее возраст было непросто. Вряд ли он превышал сорок, самое большее сорок пять лет, но на ее лице лежал отпечаток усталости, а под глазами были заметны мешки.

— Вы выпили перед тем, как идти сюда? — неожиданно спросил Мегрэ.

— Это вас интересует?

— Конечно. Вы ведь настаивали на встрече со мной, не так ли? И должны были подготовиться к вопросам, которые могут показаться вам нескромными.

— Я представляла вас другим, более понятливым.

— Именно для того, чтобы понять, мне нужно кое-что выяснить.

— Я выпила две рюмки коньяка, чтобы придать себе уверенности.

— Всего две?

Она молча посмотрела на него.

— Когда пропал ваш муж?

— Около месяца назад, восемнадцатого февраля. А сегодня уже двадцать первое марта...

— Он сообщил вам, что собирается в поездку?

— Он ни слова об этом не говорил.

— И вы только сейчас сообщаете о его исчезновении?

— Я к этому привыкла.

— К чему именно?

— К тому, что он может отсутствовать много дней.

— Это давно продолжается?

— Долгие годы. Все началось вскоре после нашей свадьбы, пятнадцать лет назад.

— И он никак не объясняет вам, зачем уезжает?

— Я не думаю, что он уезжает.

— Не понимаю вас.

— Он остается в Париже или где-то в окрестностях.

— Откуда вы знаете?

— Когда это началось, я наняла частного детектива, чтобы следить за ним. Потом прекратила это, потому что каждый раз было одно и то же.

Слова давались даме с трудом, и причиной этому был отнюдь не коньяк, выпитый ею перед встречей с комиссаром. Вряд ли она нуждалась в спиртном для храбрости; ее помятое лицо и усилия, с которыми она старалась держаться в рамках приличий, свидетельствовали, что она нередко бывала под хмельком.